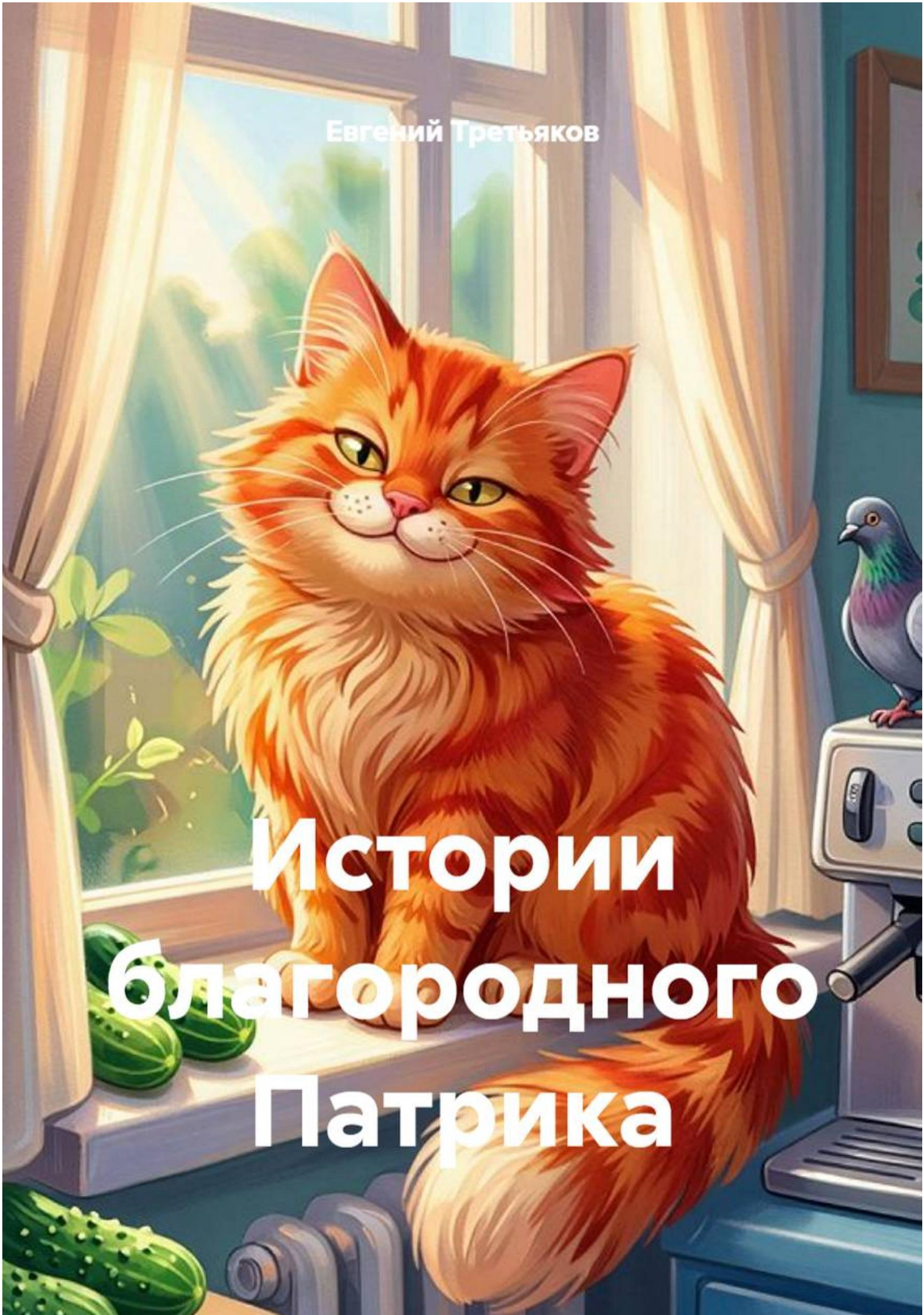
Евгений Третьяков

Истории благородного Патрика

Евгений Третьяков

Истории благородного Патрика

«Автор»
2026

Третьяков Е.

Истории благородного Патрика / Е. Третьяков — «Автор», 2026

«Истории благородного Патрика» — смешные рассказы от лица рыжего кота с достоинством. Патрик живёт с хозяйкой, которая пропадает на работе, и сам руководит хозяйством: охраняет огурцы на лоджии, наблюдает за голубем-хамом и терпит технику — пылесос, кофемашину и прочие шипящие агрегаты. А ещё были муха на носу, мышь Пипка с бантиком, ремонт у соседей, день рождения хозяйки и большой переезд в двухкомнатную квартиру. Патрик держится благородно. Ну, почти.Для всех, кто любит котов и верит, что даже самый терпеливый кот имеет право иногда побегать за собственным хвостом.

© Третьяков Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

(от первого лица) 5
Как я стал блогером (и чуть не остался без ужина) 5
Патрик и стратегический огурец 6
Патрик и голубь-хам 7
Патрик и подозрительный шум (или Как я почти стал сторожевой собакой) 8
Патрик и великий потоп (или Как я поливал цветы) 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Евгений Третьяков
Истории благородного Патрика

(от первого лица)

Как я стал блогером (и чуть не остался без ужина)

Случилось это в среду. Ну, в тот самый день, когда моя хозяйка решила, что я «слишком фотогеничен, чтобы это не заснять». Она достала телефон, навела на меня эту чёрную коробочку и говорит:

— Патрик, сиди смирно! Ты будешь звездой интернета!

Звездой, значит. Я, конечно, кот с достоинством, поэтому сначала отвернулся. Потом потянулся (это я так готовлюсь к приёму пищи). Потом уронил её любимую кружку с подоконника — случайно, честное мурчание! — и она сказала слово, которое я не буду повторять, потому что я воспитанный кот.

Но самое интересное: когда она выложила видео, как я якобы «танцую» за дверью (на самом деле я пытался открыть лапой холодильник), — знаешь, что случилось? Оно набрало сто тысяч просмотров! И все писали: «Какой милый рыжик!», «Хочу такого же!», «Он умнее моего мужа!» (с последним я, конечно, согласен).

А вечером хозяйка сказала:

— Патрик, ты теперь блогер! Ты заработал на корм!

Я посмотрел на неё, потом на миску, потом опять на неё и подумал: «Слушай, а ведь если я сейчас начну мяукать в камеру, может, мне ещё и кресло купят?..»

Но не тут-то было! Она достала костюм бабочки. Нет, ты представляешь? Меня. Кота. В бабочку.

Я залез под диван и сидел там два часа. Сто тысяч просмотров — это, конечно, хорошо, но не настолько.

Патрик и стратегический огурец

Итак, утро. Хозяйка убежала на работу, оставив мне сухой корм и почесав за ухом. Дверь закрылась. Тишина. Свобода. Я — король студии! Ну, почти король. Потому что настоящий король не сидит на подоконнике и не смотрит, как соседский кот Маркиз выгуливает свою наглую морду по двору.

Чтобы не скучать, я решил заняться своим любимым делом — инспекцией лоджии. Солнце там с утра — заливайся, хоть загорай. Я запрыгнул на плетёный стул (хозяйка называет его «кресло», но я-то знаю, что это моя наблюдательная вышка), устроился поудобнее и начал обзор.

Цветы стоят, кивают. Огурцы растут. Огурцы — это отдельная тема. Хозяйка их выращивает в ящиках, и они вьются по верёвочкам. Я, конечно, кот городской, но в душе — агроном. Поэтому каждый день проверяю: не появился ли новый огурчик? И если появился — надо его... пометить. Ну, понюхать. А иногда и пожевать. Чуть-чуть. Для вкуса.

И вот сижу я, значит, на стуле, грею рыжий бок. Солнце припекает. Хорошо! И тут замечаю: один огурец — ну просто наглец! — свесился с верёвочки и висит прямо над журнальным столиком. Как будто дразнится: «Патрик, а Патрик, слабо?»

Я, конечно, не гордый. Спрыгнул на столик. Лапой тянусь — не достаю. Потянулся сильнее — огурец качается. Я подпрыгнул — он увернулся! Я ещё раз!.. И в этот момент я, конечно, забыл, что я не на полу, а на столике. И что столик — журнальный, то есть маленький и шаткий.

Короче, грохот был такой, что я сам испугался. Столик сложился, как карточный домик, а я оказался в горшке с цветком. В петунии. Розовой. Хозяйка её любит. Любила.

Лежу в земле, лапы вверх, из ушей лепестки торчат. А сверху этот огурец качается, будто ржёт надо мной. Я ему говорю: «Ну, погоди, зелёный! Я тебя всё равно сожру. Или скину. Или и то, и другое».

И тут — о ужас! — я слышу, как в замке поворачивается ключ. Хозяйка вернулась! Забыла что-то. Заходит на лоджию и видит: столик лежит, цветок в земле, а из петунии торчит рыжий хвост. И огурец на верёвочке качается. Ну, как качается... уже нет. Потому что я его всё-таки сбил, пока падал.

Она вздохнула так, что я понял: вечером мне будет не сухой корм, а лекция о том, что «Патрик, ты уже большой мальчик, ну сколько можно!» Но потом посмотрела на меня — всего в земле, с лепестком на ухе — и засмеялась. Достала телефон. Опять.

И знаешь, что она сказала?

— Так, Патрик. У нас с тобой теперь будет рубрика «Рыжий агроном». Улыбайся!

Я посмотрел на неё, на огурец, на петунию... И подумал: «Ладно. Но за это ты мне купишь не только кресло, но и личный огуречный ящик. И подпишешь его: "Имущество Патрика. Не трогать. Особенно хозяйке"».

Патрик и голубь-хам

Итак, был тёплый вторник. Хозяйка ушла на работу, оставив меня, как обычно, на хозяйстве. Я, как благородный кот, проводил утро с пользой: посидел на подоконнике, проводил взглядом соседского Маркиза (пусть гуляет, пока я тут стратегией занимаюсь), потом переместился на лоджию. Солнце там с утра — заливайся, хоть загорай. Я запрыгнул на плетёный стул, устроился поудобнее и начал медитировать. Ну, то есть дремать с открытым одним глазом.

И тут — наглость! — на перила лоджии садится голубь. Серый, толстый, с глазами, как у налогового инспектора. Сидит, значит, и смотрит на меня. Прямо в душу. Я ему вежливо, как учила хозяйка: «Мяу». В смысле, «иди отсюда, пернатый, это моя территория». А он — представляешь? — поворачивается ко мне спиной. И начинает ворковать. Нагло так. Дескать, «сиди, рыжий, не мешай».

Я, как кот благородный, решил не устраивать скандал. Ну, подумаешь, голубь. Мало ли кто на свете живёт. Я просто отвернулся. Показываю всем своим видом: «Мне всё равно. Я выше этого». Хотя внутри, честно говоря, всё кипело. Но терпение — моё второе имя. Ну, после «Патрик».

А голубь осмелел. Перелетел с перил на журнальный столик. Потом на ящик с огурцами. Потом — вот наглец! — прямо на мой плетёный стул. На моё место! Я встал. Посмотрел на него. Он на меня. И знаешь, что он сделал? Он клюнул мой хвост. Мой рыжий хвост! Ну, то есть, попытался. Я же благородный — я просто отодвинулся. Но голубь не унимался. Он начал расхаживать по стулу так, будто это его личный насест. И при этом ещё и оставлял... ну, скажем так, «пометки». Прямо на моём любимом месте.

Я держался. Честное мурчание, держался! Я сидел в углу лоджии, смотрел на этого пернатого хама и повторял про себя: «Я — кот благородный. Я — кот терпеливый. Я не буду связываться с голубем. Это ниже моего достоинства». Но когда он попытался склевать мой огурец — тот самый, стратегический, который я берёг! — моё терпение лопнуло.

Я подпрыгнул. Не чтобы его съесть (я же не дикарь), а чтобы просто... обозначить границы. Но голубь оказался проворнее, чем выглядел. Он взлетел, а я, промахнувшись, врезался в ящик с огурцами. Ящик перевернулся. Огурцы раскатились по всей лоджии. Цветы пригнулись. А голубь сел на перила и смотрит на меня сверху вниз. И воркует. Издевается.

И тут — о ужас! — я слышу, как открывается дверь. Хозяйка вернулась. Забыла зонт. Заходит на лоджию, а там: я, весь в земле, с огурцом на ухе, посреди разгрома. А на перилах голубь сидит, как ни в чём не бывало. И этот голубь, представь, ещё и голову набок склонил. Мило так. Как будто это я его обидел.

Хозяйка посмотрела на это безобразие. Потом на меня. Потом опять на голубя. И говорит:

— Патрик, ты чего? Это же просто голубь. Он же маленький.

Я посмотрел на неё так, что она, надеюсь, всё поняла. «Маленький? Этот голубь размером с мою голову! И он клевал мой хвост! И пометил мой стул! И покушался на мой огурец!» Но вслух я, конечно, ничего не сказал. Я же благородный. Я просто отвернулся и пошёл в комнату. С достоинством. С высоко поднятым хвостом. Ну, то есть, с огурцом на ухе.

Хозяйка вздохнула. Убрала огурцы. Вымыла стул. А голубю насыпала хлебных крошек. На перила. Мне, между прочим, ни крошки не досталось!

Вечером она сказала:

— Патрик, ты у меня молодец. Такой терпеливый. Настоящий аристократ.

Я посмотрел на неё и подумал: «Ага. Аристократ. Только вот голубь этот — он теперь мой личный враг. И я, как благородный кот, буду мстить. Медленно. Терпеливо. Стратегически. Но мстить».

Патрик и подозрительный шум (или Как я почти стал сторожевой собакой)

Была среда. Обычная такая среда. Хозяйка убежала на работу, оставив меня, как всегда, на хозяйстве. Я проводил её взглядом, дождался, пока стихнут шаги на лестнице, и приступил к своим благородным обязанностям. А именно: запрыгнул на плетёный стул на лоджии, подставил рыжий бок солнцу и начал медитировать. Ну, то есть, дремать с одним открытым глазом. Я же на службе.

Солнце припекало. Огурцы росли. Петуния цвела. Благодать. Тишина. Только где-то вдалеке соседский Маркиз мяукает — ну и пусть, мне не до него. Я, можно сказать, наслаждался заслуженным отдыхом. Как вдруг...

Тук. Тук. Тук.

Я открыл второй глаз. Насторожился. Звук шёл от входной двери. Я прислушался. Тук. Тук. Тук. Ритмично так. Спокойно. Но как-то... неправильно.

Хозяйка, когда возвращается, сначала гремит ключами. Потом возится с замком. Потом говорит: «Патрик, я дома!» И только потом открывает дверь. А тут — просто тук. Тук. Тук. Без ключей. Без замка. Без «я дома». Подозрительно.

Я, как кот благородный, сразу подобрался. Спустился со стула. Медленно, с достоинством, прошёл в комнату. Остановился в коридоре. Смотрю на дверь. А оттуда — шорох. Как будто что-то скребётся. Потом — шёпот. Тихий такой. Два голоса. Или три? Я не разобрал.

«Спокойно, Патрик, — сказал я себе. — Ты же благородный. Ты же терпеливый. Ты не трус. Мало ли кто там шумит. Может, соседи. Может, сантехник. Может, хозяйка что-то забыла и вернулась... без ключей... и скребётся... и шепчется...»

Тут моё благородное сердце ёкнуло. Потому что я вспомнил: хозяйка никогда не возвращается без ключей. Никогда. Даже если забыла что-то очень важное. Она скорее позвонит соседке, чем будет скрестись в дверь. А эти — за дверью — скреблись.

Я сделал то, что делает любой благородный кот в такой ситуации. Я насторожил уши. Потом прижал их к голове. Потом распушил хвост — до размера средней метёлки. И замер. В коридоре. Один. Напротив двери. В полной боевой готовности.

А за дверью продолжалось. Тук. Тук. Шорох. Шёпот. Потом — лязг. Как будто чем-то металлическим по замку. Я похолодел. Ну, то есть, шерсть у меня встала дыбом, а внутри всё сжалось. «Это что, — думаю, — взлом? Грабители? В моей студии? Пока хозяйка на работе?»

Я оглянулся. В комнате — никого. Только я. И миска с сухим кормом. И плетёный стул на лоджии. И огурцы. Стратегические. «Ладно, — подумал я. — Если что, буду защищать огурцы. Это моё. Я за них отвечаю».

А за дверью — голоса. Уже громче. Я разобрал слова: «...да не так...», «...поверни...», «...ой, подожди...». И тут — щёлк. Замок. Кто-то пытался открыть замок. Мой замок. Нашей с хозяйкой студии.

Я, как благородный кот, не растерялся. Я сделал шаг назад. Потом ещё один. Потом сел. Прямо посреди коридора. И уставился на дверь. «Ну, — думаю, — заходите. Только учтите: я тут живу. Я тут главный. И я вас... я вас...»

Я пытался придумать, что я с ними сделаю. Но в голову лезло только: «Я вас понюхаю!» и «Я на вас посмотрю!» и «Я вас презрительно мяукну!» — не самый устрашающий арсенал, честно говоря. Я же благородный, а не бойцовский кот. Я диванный. Ну, то есть, стульный.

И тут — о чудо! — за дверью раздался знакомый голос. Соседка тётя Люда. Громко так:

— Да куда ты его суёшь! Не тем концом! Вот, теперь поверни!

И второй голос, тише:

— Да я и поворачиваю! Он заедает!

И тут я всё понял. Это соседи. С верхнего этажа. Которые недавно переехали. Они, видимо, пытались открыть свою дверь. А я-то думал... Я, благородный кот, чуть не устроил засаду на соседей. Которые просто не могут попасть в свою квартиру. Потому что замок заедает.

Я выдохнул. Шерсть у меня улеглась. Хвост вернулся к нормальному размеру. Я с достоинством прошёл на лоджию. Запрыгнул на стул. И сел. Солнце припекало. Огурцы росли. Петуния цвела. Благодать.

Но тут — опять. Тук. Тук. Тук. Уже в нашу дверь. Я подскочил. Уши насторожились. Хвост — метёлка. А за дверью — голос тёти Люды:

— Патрик! Патрик, ты дома? Хозяйка просила тебя покормить! Открывай!

Я посмотрел на дверь. Потом на миску. Потом опять на дверь. «Открывай», — говорит. Я же кот. У меня лапы. А не руки. И ключей нет. И вообще, я благородный, а не швейцар.

Я мяукнул. В смысле: «Тётя Люда, вы же знаете, я не открываю. Хозяйка оставляет ключи вам, а не мне. Позвоните ей». Но тётя Люда, видимо, не владеет кошачьим. Она постояла ещё немного, пошумела и ушла. А я остался. Один. Со своим благородством. И с мыслью, что в следующий раз, когда за дверью будет шорох, я сначала посмотрю в глазок. Ну, то есть, попробую. Я же кот. Мне глазок не по росту.

Вечером хозяйка вернулась. Я встретил её с достоинством. Ну, то есть, с порога мяукнул всё, что думаю о соседях, замках и нервных средах. Она выслушала. Потом сказала:

— Патрик, ты у меня молодец. Не трус. Настоящий охранник.

Я посмотрел на неё и подумал: «Охранник. Ага. Только вот охранники не пушат хвост до размера метёлки. И не прячутся за миску с кормом. Но я же благородный. Я умею держать лицо. Даже когда внутри всё дрожит».

И знаешь, что? Она дала мне курицу. Просто так. За то, что я «держал оборону». Я, конечно, взял. Я же благородный, а не гордый.

Патрик и великий потоп (или Как я поливал цветы)

Была засушливая пятница. Хозяйка, как обычно, убежала на работу, оставив мне сухой корм и строгий наказ: «Патрик, веди себя прилично. Не трогай цветы. Не трогай огурцы. И не открывай лоджию». Я, как кот благородный, проводил её взглядом и подумал: «Ну конечно, не трону. Я же не варвар какой-то. Я — интеллигенция».

Утро я начал с инспекции. Запрыгнул на плетёный стул, оглядел свои владения. Цветы стоят, бедные, головы повесили. Земля в горшках сухая, как моя миска в четыре часа дня. Огурцы тоже вялые. Я, как агроном с большим стажем (ну, с прошлого вторника), сразу понял: пить просят. А хозяйка вернётся только вечером. Кто же их польёт?

Я посмотрел на лейку. Лейка стояла в углу лоджии. Большая, пластиковая, с длинным носиком. Я посмотрел на неё. Она на меня. Я — на кран. Кран — на меня. И тут я вспомнил: хозяйка всегда набирает воду из крана в лейку, а потом несёт её на лоджию. Ну, думаю, что тут сложного? Я же кот благородный, а не какой-нибудь там... Маркиз. Я справлюсь.

Первым делом я запрыгнул на раковину. Лапой попробовал открыть кран. Он, зараза, поворачивается туго. Я надавил сильнее — пошла вода! Тоненькая струйка. Я обрадовался, схватил лейку... ну, то есть, попытался схватить. Лейка оказалась тяжелее, чем выглядела. Я её лапой поддел, она наклонилась. Вода полилась прямо в горшок с петунией. Отлично! Я же гений!

Но потом кран, который я, видимо, повернул слишком сильно, начал открываться сам. Вода полилась сильнее. Лейка наполнилась до краёв. Я попытался её поднять — не тут-то было. Она выскользнула у меня из лап и с грохотом упала в раковину. Вода разлилась по всей ванной комнате. Я сидел на краю раковины, с мокрыми лапами, и смотрел, как вода медленно, но верно подбирается к порогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.